

Институциональный ревизионизм в международной политике: продукт подъёма, дитя упадка или что-то иное?

Игорь Истомин

Данный текст отражает личное мнение автора или группы авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.

ISBN 978-5-907318-27-4

© Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2021

Российская Федерация, 115184, Москва,
улица Большая Татарская, дом 42

Об авторе*

Игорь Истомин

Доцент кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО
МИД России; старший научный сотрудник Центра Дэвиса при Гарвардском
университете

** Автор выражает признательность И.Е. Денисову, П.А. Калиниченко
и Уильяму Уолфорту за их ценные советы и комментарии
к предшествующим версиям доклада*

Резюме

Ярким компонентом нарастающего междержавного соперничества выступают обвинения в ревизионизме, которыми обмениваются США, с одной стороны, и Россия и Китай – с другой. В отличие от предшествующих исторических периодов ревизионистская политика в начале XXI века ассоциируется в первую очередь не с территориальной экспансией, а со стремлением подорвать механизмы мирорегулирования, заменив существующие нормы и организации новыми. Глобальное управление сложилось в многоуровневую сеть многосторонних соглашений, межгосударственных форумов и транснациональных бюрократий. Оно устанавливает широкий набор прав и обязательств государств, регулирует доступ на рынки, вносит вклад в поддержание международной стабильности. Ничего удивительного, что ведущие государства стремятся влиять на правила игры на международной арене, чтобы они лучше соответствовали их интересам. В то же время не все отклонения или примеры оспаривания существующих институтов представляют собой случаи ревизионизма. Последний проявляется в попытках подорвать или заменить устоявшиеся институты глобального управления альтернативными вариантами регулирования. Такая политика воплощается в вербальном отрицании легитимности существующих норм и организаций в сочетании с последовательными практическими действиями, направленными на их ослабление.

Россия, США и Китай на протяжении истории придерживались во многом различных подходов к мирорегулированию. Соединённые Штаты и в период своего подъёма, и на фоне сравнительного ослабления активно старались реформировать международные институты в соответствии с собственными интересами. В том числе и администрация Барака Обамы, и команда Дональда Трампа пытались, хотя и каждая по-своему, перестроить механизмы глобального управления для удержания американского доминирования. В этом контексте от президентства Джоозефа Байдена стоит ожидать дальнейших усилий по преобразованию действующих норм и режимов, хотя новое руководство и пришло к власти на фоне дефицита свежих идей относительно возможных направлений трансформации международных институтов.

Если для США характерен последовательный ревизионизм, то Россия нередко выступала на международной арене с позиций институционального консерватизма. Лишь в отдельные периоды советской истории она переходила к более инициативному курсу на проведение революционных изменений международного порядка. В настоящее время Москва вновь выступает с консервативной повесткой, при том что из этой логики несколько выпадает недовольство региональной архитектурой в Европе. Подобный курс оправдан ввиду возможности опереться на серьёзное институциональное наследие, наработанное в период холодной войны. В то же время России нужно быть готовой к тому, что, несмотря на её усилия, другие державы будут добиваться большей или меньшей ревизии тех норм и режимов, которые сформировались при её активном участии во второй половине XX века.

Китайский подход к глобальному управлению претерпел серьёзные изменения за последние десятилетия. Китай пережил переход от положения главного диссидента в отношении существующих норм и режимов к статусу прилежного ученика и осторожного реформатора. Хотя долгое время Пекин оставался аутсайдером на периферии международного порядка (до 1971 года КНР не была представлена в ООН), после запуска политики реформ и открытости он взял курс на интеграцию в существующие институты. Несмотря на то, что в ряде случаев Китай выступает с призывами реформирования системы мирорегулирования, в практических шагах он сохраняет осторожность.

На этом фоне ещё с 1990-х годов наметилось углубление координации российского и китайского подходов по вопросам глобального управления. Ключевыми точками соприкосновения стали акцентирование центральной роли ООН в мирорегулировании и противодействие попыткам закрепления западной политической модели в качестве общепризнанной нормы.

В современных условиях подходы России и США к глобальному управлению относительно устойчивы и представляют собой два противоположных полюса крайнего консерватизма и непреклонного ревизионизма. Пекин в большей степени стоит перед выбором между сохранением приверженности существующим институтам и искушением использовать возросшие материальные возможности для попыток трансформировать систему мирорегулирования в своих интересах. В последнем случае нас ожидает конкуренция между двумя ревизионистскими мировоззрениями, а также серьёзное испытание достижений российско-китайского сближения.

Содержание

5 Введение

8 Достижения и изъяны многоуровневого
глобального управления

12 Борьба за глобальное управление и роль
институционального ревизионизма

19 США – гроссмейстер ревизионистских
гамбитов

28 Россия как институциональный консерватор

36 Путь Китая от аутсайдера до пайщика
системы глобального управления

42 Заключение

Введение

Взаимные обвинения ведущих держав в проведении ревизионистской политики стали обыденным явлением недавних дипломатических пикировок. Так, США не раз заявляли, что Россия и Китай пытаются подорвать «либеральный мировой порядок, основанный на правилах». В Стратегии национальной безопасности США, представленной в конце 2017 года, Россия и Китай открыто называются ревизионистскими державами¹. Майк Помпео, будучи госсекретарём США, утверждал, что Коммунистическая партия Китая «подрывает основанный на правилах порядок, над созданием которого наши общества так много работали». Он также назвал Москву «дестабилизирующей авторитарной силой»².

Со своей стороны, Москва и Пекин характеризуют США как безответственную державу, которая бросает вызов международным нормам. Президент России Владимир Путин подчёркивал, что после окончания холодной войны именно Соединённые Штаты решили переделать мир в соответствии со своими односторонними планами. Он отмечал, что когда существующее международное право стояло на пути интересов США, его тут же объявляли «никчёмным, устаревшим и подлежащим немедленному сносу»³. Министр иностранных дел Китая Ван И поддержал эту критику, заявив, что «вызов нынешнему международному порядку и системе заключается в том, что Соединённые Штаты как самая сильная страна в мире ставят свои интересы выше всего остального и воспринимают это как свой кодекс поведения»⁴.

Попытки заклеить противоположную сторону, обвиняя её в ревизионизме, не новы. Это понятие приобрело популярность в первой половине XX века, когда специалисты-международники стали проводить различие между сторонниками статус-кво в межвоенной Европе и их соперниками⁵. Однако за последние сто лет смысл,

¹ National Security Strategy of the United States. The White House. December 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>

² Secretary Michael R. Pompeo Before the Senate Foreign Relations Committee on the Fiscal Year 2021 State Department Budget Request. 30.07.2020. URL: <https://www.state.gov/secretary-michael-r-pompeo-before-the-senate-foreign-relations-committee-on-the-fiscal-year-2021-state-department-budget-request/>

³ Путин В. В. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». 24.10.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46860>

⁴ Wang Yi. Interview on Current China-US Relations Given by State Councilor and Foreign Minister to Xinhua News Agency. 6.08.2020. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1804328.shtml

⁵ По вопросу классических дебатов о ревизионизме и державах, стремящихся к сохранению статус-кво, см. Carr E. H. *The Twenty Years' Crisis, 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations*. London, Macmillan, 1940. 312 p.; Morgenthau H. *Politics among Nations: the Struggle for Power and Peace*. N.Y.: A. A. Knopf, 1948. 489 p. См. также последние труды на данную тему Rynning S., Ringsmose J. *Why are Revisionist States Revisionist? Reviving Classical Realism as an Approach to Understanding International Change // International Politics*. 2008. Vol. 45. No. 1. P. 19–39; Davidson J. *The Origins of Revisionist and Status-quo States*. Springer, 2016.

вкладываемый в понятие «ревизионизм», изменился, поскольку оно утратило тесную увязку с изменением национальных границ. Всё потому, что исчезла связь между источниками национальной силы, благосостояния и размером территории, контролируемой государством. Теперь эти источники больше связаны с человеческим, финансовым и технологическим капиталом, зависящим от доступа к международным рынкам сырья, товаров, услуг, инвестиций и знаний⁶. В результате институты глобального управления приобрели большую значимость для национальных интересов. Точно так же растущая взаимозависимость заставляла государства полагаться на политико-правовые режимы, обеспечивающие международную безопасность.

Рост влияния на нормы и режимы стал важнее размера контролируемой территории для обеспечения долгосрочной конкурентоспособности государства. На фоне становления глобального управления как многоуровневой сети многосторонних соглашений, межгосударственных форумов и транснациональной бюрократии ревизионистская политика начала всё чаще проявляться в вызовах международным институтам, а не в пространственной экспансии. Однако институциональный ревизионизм хуже поддаётся определению, чем претензии, связанные с территориальными владениями.

Последующий анализ основывается на сравнительно узком понимании ревизионистской политики. Он будет увязывать ревизионизм с очевидными попытками подорвать или заменить устоявшиеся институты глобального управления альтернативными вариантами регулирования. Такая политика проявляется в вербальном отрицании легитимности существующих норм и организаций, а также в последовательных практических действиях, направленных на их ослабление. Последние могут включать в себя открытый отказ от ранее взятых обязательств или регулярные отклонения от их исполнения.

Следовательно, отдельные нарушения существующих норм не означают того, что государство проводит ревизионистскую политику. Подобные случаи можно сравнить с автомобилем, проехавшим на красный сигнал светофора, что не приводит к отказу водителя от правил дорожного движения. Кроме того, исключительно дискурсивные претензии к международным институтам сами по себе не становятся ревизионизмом, если не сопровождаются практическими шагами. Словесная критика мало чего стоит, если не сопрягается с готовностью нести бремя издержек, связанных с противодействием существующим институтам.

⁶Rosecrance R. N. The Rise of the Trading State: Commerce and Conquest in the Modern World. N.Y.: Basic Books, 1986.

Настоящий доклад прослеживает взаимосвязь ревизионизма с реконfigurацией международной системы, фокусируя внимание на политике трёх ведущих держав – Китая, России и США. Споры по вопросам глобального управления обостряются в контексте сдвигов в балансе сил. Во многих случаях эксперты связывают ревизионистскую политику либо с державами, переживающими подъём, либо с государствами, приходящими в упадок. Последующий анализ ставит и те, и другие объяснения под сомнение. Вместо того, чтобы определять стратегии, исходя из структурных трендов, он указывает на преемственность подходов государств в контексте их исторического опыта.

Дополнительную актуальность настоящему докладу придаёт необходимость осмысления причин, лежащих в основе сближения позиций Китая и России по вопросам глобального управления. Оно наметилось с 1990-х годов, несмотря на разницу в динамике изменения их потенциалов и различный вклад двух государств в формирование ныне действующих институтов. При этом Москва и Вашингтон, достигшие пика международного признания почти в одно и то же время и сыгравшие ведущую роль в установлении мирового порядка после Второй мировой войны, по-разному относятся к этому наследию. Анализ исторических тенденций приводит к выводу о том, что Соединённые Штаты выступают в роли непоколебимого ревизиониста, постоянно стремящегося приспособить международные институты под свои нужды. В России существует давняя традиция институционального консерватизма, которой она придерживалась, несмотря на временные отклонения. Между тем Китай остаётся чрезмерно осторожным и амбивалентным в инициативах, касающихся глобального управления, несмотря на растущий вес и опыт работы в международных институтах.

Недавние публикации по вопросам эволюции международного порядка нередко концентрировались на сравнительно ограниченных исторических промежутках, уделяя приоритетное внимание текущим событиям. Настоящий доклад следует иному подходу и содержит обзор длительного опыта рассматриваемых держав. При этом следующий раздел осветит основные параметры современного глобального управления, определив, что мы имеем в виду, когда используем это понятие. После этого будут представлены альтернативные взгляды на ту роль, которую институты играют в международной политике, а также конкурирующие объяснения причин, побуждающих государства проводить ревизионистский курс. На их основе будет проанализирована эволюция подходов Вашингтона к международным институтам, а также опыт Москвы и Пекина в сфере глобального управления. Заключение содержит следствия, вытекающие из этих рассуждений, для осмысления текущей международной обстановки и обрисовки контуров развития отношений между крупными державами.

Достижения и изъяны многоуровневого глобального управления

Политическое значение международных институтов остаётся предметом острых дискуссий среди экспертов. Даже попытки дать определение этому явлению вызывают многочисленные споры⁷. Среди специалистов сохраняются расхождения относительно его разграничения от таких близких понятий, как норма, правило, режим. Между тем без чёткого определения характера и текущего состояния международных институтов было бы трудно рассуждать о современном ревизионизме. Остановимся на ключевых категориях, обсуждаемых в данном докладе, и попробуем дать оценку их применения к современным глобальным процессам.

Наиболее распространённый подход определяет институты как области совпадения ожиданий государств относительно их взаимного поведения. При этом международные нормы определяются в качестве базовых правил, определяющих стандарты надлежащего поведения субъектов с данной идентичностью⁸. Хотя интерпретация и обеспечение соблюдения норм сталкиваются с множеством проблем, они зависят от дополнительных механизмов, повышающих их легитимность и эффективность. Нормы имеют тенденцию к формализации за счёт включения в международное право, или, по крайней мере, в политические обязательства государств, или в различного рода кодексы поведения, технические руководства и рекомендации.

С XIX века растущая институционализация международных отношений стимулировала создание специальных органов, в которых государства обсуждали выполнение норм и разрабатывали дополнительные правила⁹. Это привело к возникновению транснациональной бюрократии в виде

⁷ О различных толкованиях понятия см. Duffield J. What are International Institutions? // *International Studies Review*. 2007. Vol. 9. No. 1. P. 1–22; Баталов Э. Новая институционализация мировой политики // *Международные процессы*. 2016. Т. 14. № 1. С. 6–25.

⁸ Katzenstein P. J. Introduction: Alternative Perspectives on National Security // *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics* / Ed. by Peter J. Katzenstein. New York: Columbia University Press, 1996. P. 6.

⁹ Центральная комиссия судоходства по Рейну, созданная в 1815 году, стала первой постоянно действующей международной организацией. Вслед за ней были созданы Комиссии реки Дунай (1856) и Международный телеграфный союз (1865).

секретариатов международных организаций и других подобных структур, которые следят за соблюдением правил и помогают государствам выполнять их обязательства. В результате отдельные нормы, правила и организации стали объединяться в сложные режимы, устанавливающие регулирование в определённой области отношений¹⁰.

Глобальное управление в том виде, в котором оно сформировалось к началу XXI века, представляет собой разнородную сеть нормативных актов и межгосударственных форумов, разрабатывающих новые правила, и поддерживающих их транснациональных бюрократий¹¹. Исторически нормы возникли из практики международного взаимодействия и негласного торга между участниками. С XIX века государства совершенствовали механизмы разработки новых правил и контроля за соблюдением правил всеми участниками. К таким механизмам относятся международные организации с правовым статусом (такие, как ООН, Всемирный банк и МВФ) и менее формальные ассоциации («Группа семи», «Группа двадцати» и БРИКС).

Само понятие «глобальное управление» намного моложе явления, которое оно описывает¹², и получило широкое признание в начале 1990-х годов, когда окончание холодной войны привело к радикальным институциональным изменениям. Его сторонники определили глобальное управление как широкую сеть международных режимов, обеспечивающих определённую степень упорядоченности в отсутствие эффективного мирового правительства. Они высоко оценили гибкость и прагматичный эклектизм этой децентрализованной институциональной архитектуры¹³.

¹⁰ По вопросу международных режимов см. Krasner S. D. *Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables* // *International Organization*. 1982. Vol. 36. No. 2. P. 185–205; Haggard S., Simmons B. A. *Theories of International Regimes* // *International Organization*. 1987. Vol. 41. No. 3. P. 491–517; Levy M. A., Young O. R., Zürn M. *The study of International Regimes* // *European Journal of International Relations*. 1995. Vol. 1. No. 3. P. 267–330.

¹¹ Об эволюции и текущем состоянии глобального управления см. Барабанов О. Н., Голицын В. А., Терещенко В. В. *Глобальное управление*. М.: МГИМО-Университет, 2006; *Глобальное управление: возможности и риски* / Отв. ред. В. Г. Барановский, Н. И. Иванова. М.: ИМЭМО РАН, 2015; *Governance without government: order and change in world politics* / Ed. by J. N. Rosenau, E. O. Czempiel. Cambridge: Cambridge University Press, 1992; Rosenau J. N. *Governance in the 21st Century* // *Global Governance*. Vol. 1. No. 1. P. 13–43; *Our Global Neighborhood. The Report of the Commission on Global Governance*. 1995. URL: <http://www.gdrc.org/u-gov/global-neighborhood/>

¹² Об академических исследованиях глобального управления см. Hewson M., Sinclair T. J. *The Emergence of Global Governance Theory* // *Approaches to Global Governance Theory* / M. Hewson, T. J. Sinclair, T. Sinclair. N.Y.: Suny Press, 1999. P. 3–22.

¹³ См. Finkelstein L. S. *What is Global Governance?* // *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*. 1995. Vol. 1. No. 3. P. 367–372.

Современное глобальное управление объединяет разрозненные нормы и организации, которые зачастую возникали независимо друг от друга в течение длительного времени. Например, оно включает нормы суверенитета и дипломатического иммунитета, восходящие к XVIII и началу XIX веков, правила ведения войны, сформировавшиеся на пороге XX столетия, стандарты защиты прав человека, принятые после Второй мировой войны, и принципы охраны окружающей среды, которые начали появляться только в 1970-х годах.

Параллельно с распространением глобальных институтов и норм существует большое пространство для собственных регулирующих режимов в различных частях света. Несмотря на прогресс глобализации, «правила игры» в отдельных регионах различаются и остаются неравномерными по плотности. Европа переполнена многочисленными и даже конкурирующими институтами (сосредоточенными вокруг Совета Европы, ЕС, НАТО и ОБСЕ). Между тем на Ближнем Востоке нет единой региональной структуры, которая включала бы всех местных игроков. Напряжённость в этих регионах свидетельствует о том, что обе крайности ведут к возникновению противоречий.

Создание ООН внесло долю упорядоченности в этот арсенал норм и режимов. Устав ООН определяет основные принципы международного права, хотя они не всегда согласуются друг с другом. В частности, много разногласий связано с отношениями между приверженностью невмешательству и защитой прав личности. ООН также объединила под своей крышей большинство существовавших к тому времени международных организаций. Тем не менее глобальное управление оказалось скорее свалкой различных институтов, чем согласованной системой правил и механизмов.

Его различные элементы иногда противоречат друг другу, давая государствам возможность выбирать себе форумы по вкусу. Крупные державы особенно склонны следовать избирательному подходу и обосновывать свои действия с опорой на те организации и режимы, которые в большей мере отражают их интересы¹⁴. Разделение компетенций между институтами иногда размывается, поскольку некоторые вопросы попадают в перекрёстную зону интересов различных функциональных областей. Более того, в некоторых случаях региональные институты претендуют на приоритет над глобальными, исходя из логики субсидиарности. Например, Суд Европейского Союза требует, чтобы государства – члены ЕС разрешали свои споры в первую очередь с его помощью, а не через международные суды.

¹⁴ Drezner D. W. The Power and Peril of International Regime Complexity // Perspectives on Politics. 2009. Vol. 7. No. 1. P. 65–70.

Противоречия между правилами в проблемных областях и споры по поводу их границ ослабляют глобальное управление. Они создают ощущение растерянности, уменьшая способность согласованно предписывать поведение стран. В результате повышается уровень неопределённости в международной политике. Однако разногласия относительно интерпретации норм и сферы их компетенций – нормальное явление в международной политике. Порой они даже способствуют уточнению существующих правил, что в итоге не ослабляет их, а делает более прочными и действенными¹⁵.

Содержание глобального управления также не вполне ясно, поскольку нормы и механизмы имеют неодинаковую легитимность в международных отношениях. Зачастую они принимаются несколькими, но необязательно всеми государствами. В тех случаях, когда нормы и механизмы ещё не устоялись, противодействие им вряд ли можно описать как ревизионизм, поскольку нет предшествующего консенсуса, который подвергался бы сомнению. Вместо этого мы часто видим борьбу между двумя альтернативными режимами, основанными на несовместимых, но не всегда антагонистических, принципах.

Например, модель «либеральной демократии» воспринимается как единственная легитимная форма правления в некоторых регионах мира, а в других – нет. Более того, попытки международных игроков диктовать безальтернативность тех или иных национальных политических институтов противоречат принципу невмешательства, который имеет более длительную историю и большее признание. Неудивительно, что дебаты по поводу суверенитета и демократии оказались одним из самых спорных вопросов глобального управления¹⁶. Напротив, к концу XX века принцип «свободной торговли» получил широкое, если не всеобщее признание. Следовательно, попытки оспорить его менее совместимы с существующим статус-кво. Однако многие государства стремятся обойти этот принцип, используя нетарифные барьеры, которые оказываются в серой зоне с точки зрения устоявшихся норм.

¹⁵ О роли полемики в эволюции норм см. Wiener A. Contested Compliance: Interventions on the Normative Structure of World Politics // *European Journal of International Relations*. 2004. Vol. 10. No. 2. P. 189–234; Wolff J., Zimmermann L. Between Banyans and Battle Scenes: Liberal Norms, Contestation, and the Limits of Critique // *Review of International Studies*. 2016. Vol. 42. No. 3. P. 513–534; Deitelhoff N., Zimmermann L. Things We Lost in the Fire: How Different Types of Contestation Affect the Robustness of International Norms // *International Studies Review*. 2020. Vol. 22. No. 1. P. 51–76.

¹⁶ О юридических дебатах по этому вопросу см. Wippman D. Defending Democracy Through Foreign Intervention // *Houston Journal of International Law*. 1996. Vol. 19. P. 659–681; Maogoto J. N. Democratic Governance: An Emerging Customary Norm? // *University of Notre Dame Australia Law Review*. 2003. Vol. 5. P. 55–80; Petersen N. The Principle of Democratic Teleology in International Law // *Brooklyn Journal of International Law*. 2008. Vol. 34. P. 3–84.

В целом ключевыми характеристиками глобального управления являются высокая сложность и отсутствие централизации. Они создают предпосылки для споров по поводу сути нормативных предписаний, а также демаркации границ между различными режимами. Такие конфликты по поводу норм не всегда предполагают наличие последовательного ревизионизма. Однако само увеличение числа международных институтов и проникновение их регулирующего воздействия во внутреннюю практику создают основания для потенциального недовольства и стремления заменить их.

В отличие от рутинных споров по поводу толкования норм данный вид разногласий предполагает резкий отход от статус-кво: изменение самих режимов, а не изменения в рамках этих режимов. Хотя установление различий между фундаментальными претензиями в адрес глобального управления и спорами на более тонкие темы и сталкивается с большими трудностями, чем в области традиционного ревизионизма, касающегося территориальных претензий, оно, тем не менее, указывает на качественную разницу в серьёзности проблемы. Таким образом, важно определить условия, при которых происходит принципиальный отказ от признания существующих институтов, а не просто попытки обеспечить свои интересы путём манипулирования их положениями.

Борьба за глобальное управление и роль институционального ревизионизма

Вопрос о том, почему крупные державы оспаривают значимость международных институтов, не так прост, как может показаться на первый взгляд. Если устанавливаемые ими стандарты поведения действительно сильны, то непонятно, как государства осмеливаются добиваться изменений в них. С другой стороны, если они слабы и мало ограничивают участников международной политики, то какой смысл тратить ресурсы на попытки их поменять. Данный парадокс указывает на необходимость уточнения того, что мы подразумеваем под «сильными» и «слабыми» институтами. Неудивительно, что, несмотря на стремительный рост глобального управления, академический мир по-прежнему глубоко разделён по вопросу о его роли.

Можно систематизировать основные разногласия в рамках разворачивающейся дискуссии, разграничив оценки степени влияния и устойчивости институтов в рамках конкурирующих подходов (см. таблицу 1). Стоит отметить, что многие эксперты не ставят задачу объяснения готовности крупных держав оспаривать значимость международных режимов. Затруднения, с которыми они сталкиваются, пытаются объяснить такого рода политику, указывают на парадокс: ревизионизм предполагает убеждённость в том, что институты одновременно и важны, и податливы изменениям.

ТАБЛИЦА 1. АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПОДХОДЫ К МЕЖДУНАРОДНЫМ ИНСТИТУТАМ

податливость ↙ ↘ последствия	низкая ←	высокая →
высокая ↑	Институты имеют слабое влияние на государства, но их трудно изменить (Краснер)	Институты имеют сильное влияние на государства, но их трудно изменить (Кеохан, Финнемор, Сиккинк)
низкая ↓	Институты имеют слабое влияние на государства и их легко изменить (Миршаймер)	Институты имеют сильное влияние на государства и их легко изменить (Гилпин, Органски, Куглер)

Источник: составлено автором на основе *Krasner S. Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999. P. 57*¹⁷.

Самая, пожалуй, влиятельная исследовательская школа придаёт институтам большое значение. Она высоко ценит их способность связывать государства международными обязательствами и нормировать поведение. Согласно её положениям, со временем нормы и поддерживающие их организации становятся настолько устойчивыми, что оказываются самодостаточными и могут пережить даже значительные изменения в балансе сил. Такое твёрдое убеждение в силе международных режимов привело к тому, что его сторонники получили обозначение институционалистов¹⁸. Представители этого лагеря, в частности, утверждают, что либеральные институты могут

¹⁷ Краснер даёт несколько иную классификацию и по-разному позиционирует некоторые подходы. В частности, его увязывание институционализма с транзакционным подходом к международным режимам выглядит спорным (см. ниже).

¹⁸ Keohane R. O. *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton: Princeton University Press, 1986; Keohane R. O., Martin L. L. *The Promise of Institutionalist Theory // International Security*. 1995. Vol. 20. No. 1. P. 39–51.

выдержать ослабление позиций Соединённых Штатов, которые выступали их архитектором в предшествующие десятилетия¹⁹.

Институционализм оставляет мало места для ревизионизма даже со стороны самых сильных государств. Поскольку к зрелым институтам «легко присоединиться, но их трудно изменить», попытки радикальных трансформаций становятся бесплодными и даже контрпродуктивными. Такой подход предполагает, что международные режимы со временем становятся всё более устойчивыми, допуская лишь постепенные корректировки и ограниченный объём полемики в относительно стабильных институциональных границах²⁰. Институционалисты неспособны объяснить резкие перемены в международных режимах и упадок норм, вызванный ревизионистской политикой отдельных игроков.

Противоположная точка зрения критикует увлечённость международными институтами. Джон Миршаймер и его последователи утверждают, что, поскольку страхи по поводу собственного выживания и благосостояния детерминируют внешнюю политику, государства не приемлют сколь-либо значимых ограничений в борьбе за свои национальные интересы²¹. Сторонники этого подхода указывают на многочисленные случаи, когда государства нарушали международные нормы, которые они считали неудобными. Более того, государства часто отказываются присоединяться к международным режимам, которые им не нравятся, или выходят из существующих институтов, сталкиваясь с невыгодными для себя нормами. Например, ни Индия, ни Израиль, ни Пакистан не подписали Договор о нераспространении ядерного оружия, а Северная Корея вышла из него.

В противовес институционализму, представляя ревизионистский курс возможным, такой скептицизм с трудом объясняет усилия, вкладываемые государствами в формирование международных режимов. Если институты носят чисто транзакционный характер или просто отражают существующее соотношение сил, то нет необходимости тратить время и усилия на пересмотр норм. Не имеет смысла продвигать нормы или международные организации, которые не могут сдерживать другие государства.

¹⁹ Ikenberry G. J. *Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order*. Princeton: Princeton University Press, 2011.

²⁰ Традиционный конструктивистский аргумент, касающийся распространения норм через «жизненный цикл», также соответствует этой интерпретации, см. Finnemore M., Sikkink K. *International Norm Dynamics and Political Change* // *International Organization*. 1998. Vol. 52. No. 4. P. 887–917.

²¹ Mearsheimer J. J. *The False Promise of International Institutions* // *International Security*. 1994. Vol. 19. No. 3. P. 5–49.

Гораздо целесообразнее игнорировать их и действовать так, как будто никаких правил вовсе не существует. Между тем ревизионизм предполагает сознательные попытки заменить устоявшиеся институты некоторыми предпочтительными альтернативами.

Помимо этих двух противоположных точек зрения, существуют более нюансированные подходы к роли международных институтов. В частности, американский политолог Стивен Краснер описывает международные режимы как устойчивые, но не обязательно оказывающие серьёзное сдерживающее влияние на поведение стран. Он предлагает ситуацию, в которой государства демонстрируют риторическое уважение к существующим режимам и поддерживают их сохранение, но в то же время повсеместно не соблюдают правила. Согласно этой точке зрения, устойчивость институтов может частично объясняться их слабостью, тем, что они зачастую не мешают сильным государствам поступать так, как они предпочитают.

Краснер, в частности, указывает на регулярное вмешательство крупных держав во внутренние дела более слабых государств на протяжении всей истории Нового времени. Эти проявления несовместимы с нормой национального суверенитета, но и не направлены на то, чтобы заменить её. Несмотря на регулярное повторение подобных девиаций, они не приводили к разрушению нормы.

Такое поведение, обозначаемое как «организованное лицемерие», также необязательно приводит к институциональному ревизионизму. Опportunистические стратегии, в том числе упомянутый выше избирательный подход к нормам и организациям, широко распространены в международной политике, но не приводят к систематическим попыткам подорвать деятельность институтов. Напротив, они могут отражать силу и жизнеспособность норм, которые способны пережить даже серьёзные нарушения. Более того, государства, прибегающие к организованному лицемерию, подчас стремятся продемонстрировать, что их действия на самом деле соответствуют установленным правилам и тем самым способствуют их подтверждению.

Наконец, последний подход к объяснению роли международных институтов во многом противоположен предыдущему. В соответствии с ним институты могут оказывать существенное воздействие на поведение государств, не становясь при этом устойчивыми к возможному переосмыслению. Эта точка зрения признаёт регулируемую способность международных режимов, особенно в отношении малых и средних стран. Она делает инвестиции в формирование глобального управления привлекательными

для крупных держав, поскольку влияние через установление общих правил снижает их издержки на прямое принуждение в отдельных случаях. У сильных государств меньше причин для беспокойства о фоновом сопротивлении их предпочтениям, даже если они не могут избежать оппозицию создаваемым режимам со стороны высокомотивированных игроков.

В данном случае влияние институтов рассматривается в контексте той поддержки, которую им оказывают крупные державы. Нормы уменьшают необходимость прибегать к принуждению, но угроза возмездия за правонарушения не должна вызывать сомнений. Управление с опорой на право в международных отношениях не обязательно трансформируется в верховенство права, при котором предыдущие постановления связывали бы сильные государства. Поскольку институты никогда не бывают полностью нейтральными, каждая крупная держава находит мощные стимулы для изменения институтов к собственной выгоде.

Перспектива потенциальных выгод и податливость существующих режимов изменениям побуждают крупные державы пересматривать правила в свою пользу. Институциональный ревизионизм оказывается одновременно возможным и привлекательным. Более того, дефицит влияния одной или нескольких крупных держав на международные режимы может привести к ослаблению глобального управления. В таких случаях исключённые игроки сталкиваются с искушением игнорировать существующие институты, не имея возможности их заменить. В этом случае уровень лицемерия или прямого обструкционизма может возрасти при поддержании лишь видимости международного порядка.

Утверждение, что институты имеют большое влияние, но не являются устойчивыми, даёт основу для оценки роли нормотворчества и пересмотра норм как части борьбы за власть в международной политике²². Состояние глобального управления как игрового поля с неравными условиями приводит к вопросу: какие игроки (а точнее, какие крупные державы) с большей вероятностью станут ревизионистами? Два противоположных взгляда определяют направление дискуссии по данному вопросу. Оба основаны на предположениях о последствиях динамики роста и ослабления крупных держав. Другими словами, ревизионизм связывается с изменением баланса материальной мощи между государствами, но аналитические ожидания в рамках этих двух подходов существенно отличаются (см. рисунок 1).

²² См. Hurrell A. Power, Institutions, and the Production of Inequality // Power in Global Governance / Ed. by M. Barnett, R. Duvall. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 33–58.

РИСУНОК 1. СТРУКТУРНЫЕ СТИМУЛЫ ЗА И ПРОТИВ РЕВИЗИОНИЗМА

Источник: составлено автором.

Согласно первому объяснению, ревизионизм присущ крепнущим державам, стремящимся подорвать институты, которые другие навязали им в период, когда они были слабыми. Поскольку у них не было возможности озвучить свои предпочтения и влиять на режимы в момент их создания, они не чувствуют привязанности к существующим нормам и режимам²³. С другой стороны, доминировавшие ранее державы должны быть в основном удовлетворены созданными ими институтами, так как они выступают их авторами. По мере исчезновения их материального перевеса, они всё

²³ По вопросу дискуссии о степени ревизионизма крепнущих держав см. Швеллер Р. Восходящие державы и ревизионизм в условиях зарождения новых мировых порядков. Валдайская записка. 2015; Ward S. Status and the Challenge of Rising Powers. Cambridge: Cambridge University Press, 2017; Thies C. G., Nieman M. D. Rising Powers and Foreign Policy Revisionism: Understanding BRICS Identity and Behavior Through Time. University of Michigan Press, 2017; Murray M. The Struggle for recognition in international relations: status, revisionism, and rising powers. Oxford: Oxford University Press, 2018; Menegazzi S. Rising Powers and the Reform of Global Economic Governance: the BRICS and the Normative Challenge Ahead // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. 2020. Vol. 13. No. 1. P. 135–150.

больше начинают полагаться на институциональное наследие, чтобы обеспечить свои интересы. Это объяснение отдаёт приоритет историческому первенству в создании глобального управления, но не учитывает влияние обратной связи институтов на производство национальной мощи²⁴.

Альтернативное объяснение подчёркивает важность этой обратной связи между институциональной и материальной сферами. Оно строится на предположении, что правила международных институтов, введённые доминирующей державой, частично ответственны за её последующее ослабление. Между тем крепнущая держава от них выигрывает, поскольку они создают условия для её роста. Следовательно, сторонники этой логики предполагают, что слабеющее государство становится главным ревизионистом в надежде предотвратить дальнейшее ухудшение своего положения за счёт принятия превентивных мер. Его крепнущий конкурент должен быть в основном удовлетворён имеющимися правилами игры, не возлагая на себя бремя по их поддержке²⁵.

Эти два объяснения устанавливают противоположные ожидания относительно поведения государств в различных структурных позициях. Современные международные тенденции, воплощающиеся в быстром изменении национальной мощи и обострении отношений между крупными державами, представляют многообещающие условия для оценки обоснованности конкурирующих предположений. Сопоставление воззрений Китая, России и США на глобальное управление представляется особенно актуальным, поскольку эти государства играют важную роль в дебатах по поводу международных институтов. Однако вместо того, чтобы ограничиться анализом их текущей политики, стоит взглянуть на более длительную историческую перспективу и оценить, достаточно ли для её объяснения одной только структурной динамики.

²⁴ По вопросу о теоретических корнях аргумента о переходе власти см. Organski A. F. K. *World Politics*. N.Y.: A. Knopf, 1958; Organski A. F. K., Kugler J. *The War Ledger*. University of Chicago Press, 1981; Tammen R. et al. *Power Transitions: Strategies for the 21st Century*. New York: Chatham House, 2000.

²⁵ По вопросу объяснения общей логики превентивных действий в политике слабеющей державы см. Gilpin R. *War and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P. 190; Levy J. S. *Declining Power and the Preventive Motivation for War* // *World Politics: A Quarterly Journal of International Relations*. 1987. Vol. 40. No. 1. P. 82–107; Copeland D. C. *The Origins of Major War*. Ithaca: Cornell University Press, 2001. По вопросу отсутствия ревизионистских тенденций среди нынешних крепнущих держав см. Bordachev T. *Revisionism of Powers in the Changing Historical Context* // *Russia in Global Affairs*. 2018. Vol. 16. No. 3. P. 46–65; Newman E., Zala B. *Rising Powers and Order Contestation: Disaggregating the Normative from the Representational* // *Third World Quarterly*. 2018. Vol. 39. No. 5. P. 871–888. Несмотря на то, что основанное на теории перехода власти объяснение не учитывает влияние институтов на национальную экономическую мощь, второй подход сталкивается с собственными пробелами в логике. В нем не обозначены причины, которые приводят доминирующее государство к созданию институтов, столь пагубных для его долгосрочных интересов.

США – гротескмейстер ревизионистских гамбитов

Политика Соединённых Штатов с 2016 года бросала явный вызов институтам глобального управления. В начале правления администрация Трампа вышла из Транстихоокеанского партнёрства (ТТП), подписанного предшествующей демократической командой²⁶. Данное решение стало прологом последовавшего наступления на международные режимы. Соединённые Штаты открыто призвали изменить правила регулирования мировой экономики, обвинив другие страны в создании торговых дисбалансов. Они вводили ограничения на импорт товаров из отдельных стран, пересмотрели условия НАФТА и поставили под угрозу механизм разрешения споров ВТО²⁷. Они также вышли из Совместного всеобъемлющего плана действий по ядерной программе Ирана и Парижского соглашения по климату²⁸.

Администрация Трампа ставила под вопрос полезность контроля над вооружениями, вышла из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности и Договора по открытому небу²⁹. Она также покинула ЮНЕСКО, Всемирную организацию здравоохранения и отказалась платить финансовые взносы в другие международные организации, например, в Фонд народонаселения ООН³⁰. Соединённые Штаты прибегали к уничижительной риторике, обвиняя многие механизмы глобального управления

²⁶The United States Officially Withdraws from the Trans-Pacific Partnership. Office of the U.S. Trade Representative. 30.01.2017. URL: <https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2017/january/US-Withdraws-From-TPP>

²⁷По обзору торговой политики администрации Трампа см. U.S. Trade Policy: Background and Current Issues. Congressional Research Service. 15.09.2020. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF10156>

²⁸Remarks by President Trump on the Joint Comprehensive Plan of Action. The U.S. White House. 8.09.2018. <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-joint-comprehensive-plan-action/>; Pompeo M. On the U.S. Withdrawal from the Paris Agreement. U.S. Department of State. 4.10.2019. URL: <https://www.state.gov/on-the-u-s-withdrawal-from-the-paris-agreement/>

²⁹Statement from Secretary of Defense Mark T. Esper on the INF Treaty. U.S. Department of Defense. 2.08.2019. URL: <https://www.defense.gov/Newsroom/Releases/Release/Article/1924386/statement-from-secretary-of-defense-mark-t-esper-on-the-inf-treaty/>; Brown C. Treaty on Open Skies. U.S. State Department. 22.11.2020. URL: <https://www.state.gov/treaty-on-open-skies/>

³⁰Nauert H. The United States Withdraws from UNESCO. U.S. State Department. 12.10.2017. URL: <https://www.state.gov/the-united-states-withdraws-from-unesco/>; Ortagus M. Update on U.S. Withdrawal from the World Health Organization. U.S. State Department. 3.09.2020. URL: <https://www.state.gov/update-on-u-s-withdrawal-from-the-world-health-organization/>; Statement by UNFPA on U.S. Decision to Withhold Funding. United Nations Population Fund. 4.08.2017. URL: <https://www.unfpa.org/press/statement-unfpa-us-decision-withhold-funding>

в несправедливом и дискриминационном характере. Сочетание этих действий отражает последовательную ревизионистскую политику.

Американские и зарубежные наблюдатели подчас связывали вызов, брошенный администрацией Трампа глобальному управлению, с темпераментом президента. Другое широко распространённое объяснение ассоциировало недовольство Вашингтона международными организациями со сравнительным ослаблением его материального потенциала³¹. Между тем при обращении к исторической ретроспективе политику Трампа можно представить как продолжение устоявшейся традиции, а не рассматривать как отклонение от нормы. Соединённые Штаты имеют большой опыт институционального ревизионизма, восходящий к ранним годам их существования, – опыт, который по непонятным причинам не замечается в пылу современных дебатов.

Ещё до того, как Соединённые Штаты стали мировой державой, они неоднократно стремились к пересмотру правил международной политики. В последующие периоды они часто стремились разрушить даже те институты, в создании которых принимали непосредственное участие. В этой связи политика Вашингтона противоречит попыткам увязать ревизионизм с определённой структурной позицией или тенденцией в изменении баланса сил. Американский опыт ставит под сомнение обоснованность обоих объяснений, представленных в предыдущем разделе. При этом он отражает весьма прагматический подход, а не идеологическую приверженность институциональным преобразованиям³².

Ещё в 1823 году Соединённые Штаты выступили с доктриной Монро, которая предостерегала европейские державы от приобретения новых владений в Западном полушарии³³. Хотя в самом факте провозглашения исключительной сферы интересов не было ничего революционного, политика США противоречила устоявшимся нормам отношений колониальных империй. Территориальные притязания европейских государств основывались на их военной мощи и распространялись на все регионы, до которых

³¹ См. также Daalder I. H., Lindsay J. M. *The Empty Throne: America's Abdication of Global Leadership*. N.Y.: Public Affairs, 2018; Jervis R., Gavin F. J., Rovner J., Labrosse D. N. (eds). *Chaos in the Liberal Order: The Trump Presidency and International Politics in the Twenty-First Century*. N.Y.: Columbia University Press, 2018; Haass R. *Present at the Disruption: How Trump Unmade US Foreign Policy* // *Foreign Affairs*. 2020. Vol. 99. No. 5. P. 24–34.

³² См. также Mastanduno M. *System Maker and Privilege Taker: US Power and the International Political Economy* // *World Politics*. 2009. Vol. 61. No. 1. P. 121–154.

³³ Monroe J. *Seventh Annual Message to Congress, December 2, 1823, in the Annals of Congress, (Senate), 18th Congress, 1st Session, pages 14, 22–23.*

они могли добраться. Между тем у Соединённых Штатов не было достаточно сил, чтобы поддерживать притязания, обозначенные в доктрине Монро, и они не могли в то время претендовать на установление господства в Латинской Америке. Тем не менее они выдвинули такого рода требования.

По мере того, как США становились всё более уверенными в своих силах, увеличивалось количество случаев, когда Вашингтон бросал вызов существующим нормам. Например, в 1899 году госсекретарь США Джон Хэй потребовал от европейских держав соблюдать недискриминационное отношение к иностранным гражданам в их сферах интересов в Китае, провозглашая политику «открытых дверей»³⁴. Это требование возникло в условиях «второго периода колониализма»³⁵, на фоне усиления тенденции к протекционизму. Вскоре после этого Теодор Рузвельт переосмыслил доктрину Монро, провозгласив Соединённые Штаты единственным арбитром в отношении споров в Латинской Америке³⁶. Его требования противоречили устоявшейся практике, ограничивая прежнее право европейских держав добиваться возвращения коммерческих задолженностей посредством «дипломатии канонерок»³⁷. К этому времени США заявляли о своих притязаниях уже с позиции силы.

В годы Первой мировой войны Вашингтон вышел на глобальную арену с планом масштабной реорганизации международной политики, провозглашённым американским президентом Вудро Вильсоном³⁸. Соединённые Штаты предложили пересмотреть правила, регулирующие отношения между европейскими державами. Они выступали против тайной дипломатии, торгового протекционизма и за развитие свободы судоходства. Они также призывали к национальному самоопределению, регулируемому сокращению вооружений и созданию универсальной организации, приверженной сохранению мира. Обладая колоссальным материальным превосходством над европейскими государствами, Соединённые Штаты вынудили их принять значительную часть своей программы. Но сами США отказались присоединиться к Лиге Наций и перешли к политике изоляционизма.

³⁴ Declarations by France, Germany, the United Kingdom, Italy, Japan, and Russia accepting United States proposal to "Open Door" policy in China, September 6, 1899 – March 20, 1900. URL: <https://www.loc.gov/law/help/us-treaties/bevans/m-ust000001-0278.pdf>

³⁵ Первый период колониализма приходился с эпохи Великих географических открытий по конец XVIII века. Второй период колониализма начался в 1880-х годах.

³⁶ Roosevelt T. Fourth Annual Message to Congress. 6.12.1904. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/fourth-annual-message-15>

³⁷ Сами Соединённые Штаты участвовали в «дипломатии канонерок» как в Западном полушарии, так и в других частях мира.

³⁸ Wilson W. Address of the President of the United States, delivered at a joint session of the two houses of Congress, January 8, 1918. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/wilson14.asp

В годы Второй мировой войны Соединённые Штаты разработали новую программу переустройства международного порядка³⁹. Они вновь провозгласили необходимость замены не оправдавших надежд прежних порядков. При этом, в отличие от 1919 года, в этот раз они не стали уклоняться от участия в ключевых учреждениях, которые сами и создавали. Впрочем, и в 1945 году Вашингтон проводил непоследовательную линию в отношении глобального управления. Например, создававшаяся по американской инициативе Международная торговая организация так и не заработала из-за сопротивления Конгресса США. Вместо неё было заключено менее амбициозное Генеральное соглашение по тарифам и торговле⁴⁰.

Соединённые Штаты также сыграли ведущую роль в создании Бреттон-Вудской системы для перезапуска мировых финансов. Они сменили Великобританию в качестве ключевого гаранта финансовой стабильности, восстановив в скорректированном виде «золотой стандарт». Тем не менее, когда в 1970-х годах Западная Европа и Япония превратились в экономических конкурентов, Вашингтон отказался от прежних обязательств, положив конец конвертации доллара в золото⁴¹. Он настоял на заключении Ямайского соглашения, которое определило переход к плавающим обменным курсам. Менее чем через десять лет соглашение «Плаза» внесло новые коррективы в пользу Вашингтона, позволив ему девальвировать доллар по отношению к другим валютам⁴². Таким образом, США выступали одновременно основным гарантом и главным ревизионистом международной финансовой системы.

Соединённые Штаты добивались изменений в международных экономических институтах в период, отмеченный глубоким пессимизмом в отношении будущего американской мощи на фоне болезненного переживания поражения во Вьетнаме, нефтяных потрясений и экономических неурядиц⁴³. Окончание холодной войны привело к тотальному пересмотру

³⁹ The Atlantic Charter. 14.08.1941 г. URL: <https://avalon.law.yale.edu/wwii/atlantic.asp>

⁴⁰ Toye R. Developing Multilateralism: The Havana Charter and the Fight for the International Trade Organization, 1947–1948 // *The International History Review*. 2003. Vol. 25. No. 2. P. 282–305.

⁴¹ Gray W. G. Floating the System: Germany, the United States, and the Breakdown of Bretton Woods, 1969–1973 // *Diplomatic History*. 2007. Vol. 31. No. 2. P. 295–323.

⁴² Announcement the Ministers of Finance and Central Bank Governors of France, Germany, Japan, the United Kingdom, and the United States (Plaza Accord). 22.09.1985. URL: <https://web.archive.org/web/20181203002708/https://www.margarethatcher.org/document/109423>

⁴³ Такой пессимизм проявился в дебатах о чрезмерном имперском расширении, см. Kennedy P. *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. New York: Vintage Books, 1987.

американских позиций на мировой арене. Единственная оставшаяся сверхдержава поспешила воспользоваться вновь обретённой уверенностью для распространения рыночной экономики и демократических режимов в бывших социалистических странах. Она поддержала приём новых членов в Международный валютный фонд и Всемирный банк. Она также превратила ГАТТ во Всемирную торговую организацию с расширенными полномочиями. Джордж Буш-старший провозгласил создание «Нового мирового порядка», но на самом деле Соединённые Штаты во многом стремились к распространению действия уже существующих западных институтов, а вовсе не к замене их новыми порядками⁴⁴.

При этом неолиберальные догмы дерегулирования, которые США отстаивали в рамках «Вашингтонского консенсуса», подрывали кейнсианские принципы, которым они были привержены до 1970-х годов⁴⁵. Политика Соединённых Штатов, реализуемая при посредстве международных финансовых организаций, вызвала негативную реакцию антиглобалистского движения, которое критиковало её как атаку на государство всеобщего благосостояния и социальной справедливости⁴⁶. И хотя развитие рыночных реформ способствовало глобализации принципов свободной торговли, которые Соединённые Штаты поддерживали со времён Второй мировой войны, оно предполагало большее вмешательство международных финансовых регуляторов, тем самым ограничивавших реализацию национального суверенитета.

Ещё большее сопротивление вызвала политическая программа Вашингтона, в которой были пересмотрены обоснования и условия применения силы. В 1990-е годы Соединённые Штаты своими заявлениями и действиями ставили под сомнение роль Совета Безопасности ООН в вопросах применения силы в международной политике. Они также начали открыто говорить о том, что суверенитет зависит от готовности правительств к обеспечению гражданских и политических свобод. Вашингтон утверждал, что их нарушения в некоторых случаях могут стать основанием для силового

⁴⁴ Bush G. H. W. Address Before a Joint Session of the Congress on the Persian Gulf Crisis and the Federal Budget Deficit. 11.09.1990. URL: <https://bush41library.tamu.edu/archives/public-papers/2217>. Cp. National Security Strategy of Engagement and Enlargement. U.S. White House. July 1994. URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1994.pdf>

⁴⁵ Williamson J. Democracy and the “Washington consensus” // *World Development*. 1993. Vol. 21. No. 8. P. 1329–1336.

⁴⁶ Понятие антиглобализма несколько вводит в заблуждение, поскольку сторонники этого движения призывали к другому виду глобализации (см. Broad R. The Washington Consensus Meets the Global Backlash: Shifting Debates and Policies // *Globalizations*. 2004. Vol. 1. No. 2. P. 129–154).

вмешательства извне⁴⁷. Стоит отметить, что после Второй мировой войны Соединённые Штаты скептически воспринимали международные попытки по обеспечению защиты прав человека, с учётом остроты внутренних проблем – сохраняющейся дискриминации в отношении расовых и иных меньшинств. Они изменили свою политику только в 1970-е годы⁴⁸. С тех пор Вашингтон стал отдавать приоритет вопросам прав человека, а не обеспечению суверенитета. В этот же период он активно занялся распространением демократии⁴⁹.

Готовность Вашингтона игнорировать принцип суверенитета особенно ярко начала проявляться в начале 2000-х годов, когда значимую роль в его политике стала играть концепция смены режимов⁵⁰. Один из представителей администрации Джорджа Буша-младшего заявлял: «Теперь мы империя, и когда мы действуем, мы создаём свою собственную реальность. И пока вы изучаете эту реальность, мы будем действовать снова, создавая другие новые реальности, которые вы тоже можете изучать, и именно так всё будет. Мы творцы истории... и вам, всем вам, остаётся только изучать то, что делаем мы»⁵¹.

Такой подход лежал в основе интервенций возглавляемых США коалиций в Югославии (1999) и Ираке (2003). В обоих случаях Вашингтону не удалось получить мандат на применение силы от Совета Безопасности ООН, но это не помешало им действовать. Более того, Соединённые Штаты назначили Джона Болтона своим представителем в Организации Объединённых Наций, который с нескрываемым пренебрежением относился к этой организации⁵².

⁴⁷ Первоначально этому подходу способствовала пропаганда транснациональных активистов. Однако к середине 1990-х Соединённые Штаты уже возглавляли крупные военные операции во имя гуманитарного вмешательства. См. напр., Худайкулова А. В. Новое в управлении международными конфликтами // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 4. С. 67–79; Wheeler N. J. Saving Strangers: Humanitarian Intervention in International Society. Oxford: Oxford University Press, 2000; Ayoob M. Humanitarian Intervention and State Sovereignty // The International Journal of Human Rights. 2002. Vol. 6. No. 1. P. 81–102.

⁴⁸ Sikkink K. Mixed Signals: US Human Rights Policy and Latin America. Ithaca: Cornell University Press, 2018.

⁴⁹ Istomin I. The Logic of Counterpoint: Aspirations of Liberal Hegemony and Counter-Ideological Alignment // Russia in Global Affairs. 2019. Vol. 17. No. 2. P. 8–34.

⁵⁰ Bush G. W. State of the Union. White House. 28.01.2003. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/01/print/20030128-19.html>

⁵¹ Suskind R. Faith, Certainty and the Presidency of George W. Bush. The New York Times. 17.10.2004. URL: <https://www.nytimes.com/2004/10/17/magazine/faith-certainty-and-the-presidency-of-george-w-bush.html>. Ранее госсекретарь администрации Клинтона Мадлен Олбрайт высказывалась аналогичным образом: «Мы незаменимая нация. Мы стоим на вершине и смотрим в будущее дальше, чем другие страны». (Интервью Олбрайт телеканалу NBC-TV. 19.02.1998. URL: <https://1997-2001.state.gov/statements/1998/980219a.html>).

⁵² Ещё в 1994 году он заявил: «ООН не существует» (см. Haag M. 3 Examples of John Bolton's Longtime Hard-Line Views. The New York Times. 22.03.2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/03/22/us/politics/john-bolton-national-security-adv.html>).

Эти случаи нельзя рассматривать как рутинные примеры отдельных девиаций, поскольку они открыто позиционировались как провозвестники более широких грядущих глобальных преобразований⁵³. И хотя неудачи военных операций пошатнули самоуверенность Вашингтона, они не убедили Соединённые Штаты в необходимости отказаться от масштабной программы переустройства международного порядка.

США продолжали оказывать широкую поддержку демократизации путём финансирования, обучения и освещения политической деятельности местных активистов. Растущая критика либерализма, в том числе в западных странах, привела к тому, что Вашингтон стал определять международное соперничество между либеральными демократиями и автократическими диктатурами как центральную ось противостояния на международной арене⁵⁴. Такой подход возвращает разногласия по поводу внутренней политики в центр геополитической напряжённости, как это было в период холодной войны. Вместе с тем его трудно классифицировать как ревизионистский, поскольку идеологические разногласия традиционно играли значительную роль в соперничестве между крупными державами⁵⁵.

Начиная с 2000-х годов Вашингтон стал осознавать, что неолиберальные принципы, которые он исповедовал в предыдущие десятилетия, не всегда приносят ему выгоду в долгосрочной перспективе. Снижение барьеров в торговле и движении капитала стимулировало перемещение промышленного производства в страны Азии, обладающие огромным ресурсом дешёвой рабочей силы. Наибольшую выгоду из этой тенденции извлёк Китай, выросший в конкурента США. Со временем из сборочного цеха американских корпораций он превратился в экономического и даже технологического соперника.

⁵³ См., например, President Bush Discusses Freedom in Iraq and Middle East. U.S. White House. 6.11.2003. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2003/11/20031106-2.html>; Bush G. W. State of the Union Address to the 108th Congress, Second Session. 20.01.2004. URL: https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/infocus/bushrecord/documents/Selected_Speeches_George_W_Bush.pdf; Bush G. W. The Second Inaugural Address. URL: https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/infocus/bushrecord/documents/Selected_Speeches_George_W_Bush.pdf

⁵⁴ Госсекретарь США Майк Помпео призвал к созданию «Альянса демократий» (см. Pompeo M. Communist China and the Free World's Future. The Richard Nixon Presidential Library and Museum, Yorba Linda, California, 23.07.2020. URL: <https://www.state.gov/communist-china-and-the-free-worlds-future/>). Между тем избранный президент Джо Байден во время своей предвыборной кампании объявил о планах провести «Саммит за демократию» (см. The Power of America's Example: The Biden Plan for Leading the Democratic World to Meet the Challenges of the 21st Century. URL: <https://joebiden.com/americanleadership/#>).

⁵⁵ См., Haas M. L. The Ideological Origins of Great Power Politics, 1789–1989. Ithaca: Cornell University Press, 2005.

Сначала Вашингтон ответил на этот вызов попытками скорректировать правила международной торговли в рамках Дохийского раунда ВТО. Однако они провалились из-за возросшего противостояния развивающихся стран давлению США⁵⁶. В 2010-х годах Вашингтон попытался достичь аналогичных целей путём обхода многосторонней торговой системы, заключив преференциальные соглашения с рядом привилегированных партнёров. Он стремился использовать эксклюзивные группы в качестве основы будущего экономического порядка. Соединённые Штаты считали, что благодаря своему весу на мировых рынках создаваемые объединения смогут впоследствии привлечь другие страны, включая Китай, к принятию обновлённых норм глобального управления⁵⁷.

В связи с этим любопытно, что положения Транстихоокеанского партнёрства воплощали ряд идей антиглобалистского движения 1990-х годов. Вашингтон боролся с ними во время президентства Клинтона, но десятилетие спустя поддержал лозунги глобализации «с человеческим лицом», когда стало ясно, что неолиберальное дерегулирование больше не отвечает интересам США⁵⁸. В результате ТТП предполагало не только гарантии защиты интеллектуальной собственности и доступа к государственным закупкам, но и более высокие стандарты социальной защиты и защиты окружающей среды⁵⁹.

Парадоксально, но Дональд Трамп получил ярлык ревизиониста после того, как вывел США из соглашения, которое было призвано изменить правила мировой экономики. В этом свете протекционизм Трампа представлял собой просто другой вид ревизионизма по сравнению с политикой Обамы. При этом две администрации расходились в инструментах, а не в целях. Обе призывали к сохранению американского господства даже за счёт ранее созданных Соединёнными Штатами институтов. Схожим образом, отвергая наследие последних четырёх лет, ключевые фигуры будущей команды Байдена подчёркивают, что возврат к ранее существовавшему положению в глобальном управлении невозможен.

⁵⁶ Cho S. The demise of development in the Doha round negotiations // *Texas International Law Journal*. 2009. Vol. 45. P. 573–601.

⁵⁷ Рогов С. М., Шариков П. А., Бабич С. Н., Петрова И. А., Степанова Н. В. Доктрина Обамы. Властелин двух колец. Российский совет по международным делам. 2013. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/doktrina-obamy-vlastelin-dvukh-kolets/>

⁵⁸ Очень симптоматичное отражение этой эволюции можно найти в докладе, подготовленном Центром американского прогресса для президентской кампании Обамы. Этот аналитический центр сблизился с демократической администрацией в первые дни её существования. (*Change for America: A Progressive Blueprint for the 44th President* / Ed. M. Green, M. Jolin. N.Y.: Basic Books, 2009.)

⁵⁹ Trans-Pacific Partnership Agreement. Office of the United States Trade Representative. URL: <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/trans-pacific-partnership/tpp-full-text>

Ничего не говорит о том, что Соединённые Штаты прекратят свои попытки пересмотреть правила мировой экономики в ближайшие годы⁶⁰. В то же время перед администрацией Байдена стоит задача найти новые пути перестройки международных институтов. Она скептически относится к политике Трампа, но по крайней мере на словах признаёт невозможность вернуться к программе Обамы в новых условиях. В отличие от двух предыдущих президентов, Байден входит в Белый дом, не обладая конкретной программой действий и не имея свежих идей о том, как перестраивать глобальное управление.

История Соединённых Штатов поучительна в контексте дебатов о связи национальной мощи и ревизионистских тенденций. Приведённые выше примеры свидетельствуют о том, что Вашингтон на протяжении всей истории неустанно стремился преобразовать международные институты. Он добивался институциональных изменений в периоды, когда США были слабым государством и когда их глобальная роль усилилась, когда они оказались на вершине международной иерархии и когда столкнулись с растущей конкуренцией. Проводимая США политика не соответствует ни тем объяснениям, которые приписывают ревизионизм восходящим державам, ни тем, которые связывают его со слабеющими гегемонами.

Не каждая мера политики США может быть квалифицирована как подлинно ревизионистская согласно приведённому выше определению. Соединённые Штаты также участвовали в попытках реинтерпретации существующих режимов или спорах о разграничении сфер действия различных норм и принципов. Иногда они предпочитали игнорировать правила, а не оспаривать их напрямую. Однако ревизионизм – это не особенность той или иной администрации, а постоянный и последовательный компонент внешней политики США.

С самого своего появления Соединённые Штаты были революционной силой, стремящейся стать «сияющим градом на холме». При этом на протяжении истории они не имели последовательной идеологической программы. Взгляд Вашингтона на глобальное управление отражал скорее текущие интересы, чем принципиальные убеждения. Он не раз менял

⁶⁰См., например, статью в Washington Post, написанную в соавторстве с потенциальным советником по национальной безопасности Энтони Блинкеном. (Blinken A. J., Kagan R. 'America First' is Only Making the World Worse. Here's a Better Approach. The Washington Post. 01.01.2019. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/america-first-is-only-making-the-world-worse-heres-a-better-approach/2019/01/01/1272367c-079f-11e9-88e3-989a3e456820_story.html). Потенциальные направления политики США раскрывает недавний влиятельный доклад «Как сделать внешнюю политику США лучше для среднего класса». Фонд Карнеги за международный мир. 2020. URL: https://carnegieendowment.org/files/USFP_FinalReport_final1.pdf

своё отношение к таким ценностям, как суверенитет, коллективная безопасность, свободная торговля и даже права человека. Эти перемены не означали, что Соединённые Штаты недооценивают значение международных институтов.

Напротив, Вашингтон серьёзно инвестировал в формирование глобального управления, что отражало то значение, которое он придавал международному регулированию. Политика США говорит о том, что при стратегическом подходе институты становятся для крупной державы полезным инструментом продвижения своих интересов. Вместе с тем эффективное манипулирование международными режимами требует редкого сочетания готовности отказываться от предшествующего наследия, а также нормативной гибкости и политической креативности. Ревизионистская политика Вашингтона выросла из огромной уверенности в собственных силах и институциональной компетентности.

Россия как институциональный консерватор

Политика, которую Соединённые Штаты проводили на протяжении нескольких столетий, подтверждает предположение, что крупные державы стремятся к пересмотру институтов, чтобы добиться своих целей, но противоречит конкретным объяснениям того, как структурная динамика влияет на такие усилия. Репрезентативен ли американский опыт институционального ревизионизма для других сильных государств? Или Вашингтон представляет собой уникальный случай, в то время как остальные крупные державы обеспечивают свои интересы иначе? Анализ политики России позволяет несколько с другой стороны посмотреть на предположения относительно подходов государств к международному регулированию, поскольку её институциональная активность чаще служит консервативным целям и направлена на сохранение статус-кво, а не его изменение.

Россия играла весомую роль в создании международных институтов на протяжении значительной части своей истории. В начале XIX века она была одним из основателей системы «Европейского концерта», созданного

с целью поддержания региональной стабильности посредством проведения регулярных конференций крупных держав. Этот опыт стал отправной точкой для институционализации международных отношений в последующие столетия. На Венском конгрессе Россия также призвала европейских правителей составить Священный союз. Хотя миссия объединения выражалась в туманной риторике в духе христианского морализма, его практическая цель заключалась в защите наследственных монархий от покушений со стороны революционных сил⁶¹.

Таким образом, создававшаяся коалиция стремилась сохранить статус-кво, ставший весьма хрупким после французских экспериментов с республиканским правлением. Когда постнаполеоновское единство крупных держав дало трещину в 1830-х годах, Россия попыталась укрепить консервативные принципы путём сотрудничества с Австрией и Пруссией, избегая при этом столкновения с либеральными Британией и Францией. Её приверженность духу Священного союза проявилась в противодействии России европейским революциям 1848–1849 годов. Враждебное отношение России к возможным переменам особенно ярко отразилось в её помощи Австрии при подавлении венгерского восстания⁶².

Во второй половине XIX века Россия заработала авторитет одного из инициаторов появления гуманитарного права и контроля над вооружениями. Санкт-Петербургская декларация 1868 года о запрете взрывных и зажигательных снарядов стала первой попыткой ограничить технологические риски индустриальной эпохи⁶³. Россия также сыграла ведущую роль в сборе Гаагских мирных конференций 1899 и 1907 годов, которые наложили дополнительные ограничения на средства и методы ведения войны⁶⁴. Такие инициативы не требовали ревизионистского подхода, поскольку устанавливали правила в отношении ещё только появлявшихся предметов регулирования.

⁶¹ См., Орлик О. В. Россия в международных отношениях 1815–1829 гг. (от Венского конгресса до Андрианопольского мира). М.: Наука, 1998; Кудрявцева Е. П. Венская система международных отношений и её крушение (1815–1854 годы) // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 88–106.

⁶² Орлик И. И. Венгерская революция 1848–1849 годов и Россия // Новая и новейшая история. 2008. № 2. С. 21–40.

⁶³ Декларация об отказе от использования во время войны снарядов взрывного действия массой менее 400 граммов. Санкт-Петербург, 29 ноября / 11 декабря 1868 года. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/INTRO/130?OpenDocument>

⁶⁴ Рыбачёнок И. С. Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М.: Росспэн, 2005; Валеев Р. М. Роль России в проведении Гаагских конференций мира // История государства и права. 2009. № 12. С. 2–5.

Более того, цели вводимых правил были консервативными. Россия поддерживала внедрение новых институтов для сохранения существующего статус-кво, пошатнувшегося под напором технического прогресса. Эта логика лежала и в основе политики России после наполеоновских войн, когда её международный вес достиг своего пика, и позднее в том же столетии, когда она переживала относительный спад. Российская политика серьёзным образом изменилась лишь после 1917 года, когда новое большевистское правительство бросило открытый вызов существовавшим социальным и политическим порядкам.

Несмотря на радикальную риторику, Советская Россия проводила двойственную политику. Практически сразу после русской революции и особенно после Генуэзской конференции 1922 года большевики постарались добиться международного признания, одновременно ведя подрывную деятельность в отношении капиталистических государств⁶⁵. В результате политика «мирного сосуществования» оставалась ревизионистской по своим устремлениям, но сдержанной в плане реальных дел. Со временем усилия по распространению мировой революции ослабли, несмотря на то, что материальная мощь Советского Союза выросла. Тренд на интеграцию Москвы в межвоенный порядок достиг своего пика в середине 1930-х годов, после её вступления в Лигу Наций в 1934 году.

После Второй мировой войны СССР стал одним из основных соучредителей новых международных институтов наряду с США. Его вклад был особенно заметен в отношении режимов в сфере безопасности. В то же время советское влияние на глобальное экономическое управление оставалось ограниченным (парадокс для марксистской идеологии, которая утверждала, что политическую надстройку определяет экономический базис). Москва сыграла значимую роль в создании ООН, а затем в ограничении ядерного распространения и контроле над вооружениями. Она также настаивала на международно-правовом закреплении социальных и экономических прав человека наряду с политическими и гражданскими свободами. Таким образом, советская политика способствовала расширению сферы действия международных институтов, в том числе предписывающих обязательства государств в пределах их суверенных границ.

⁶⁵ См. Макаренко П. В. Нарком Г.В. Чичерин и дуализм советской внешней политики // Чичеринские чтения. «Революционный 1917 год»: поиск парадигм общественно-политического развития мира. Тамбов: ТГУ, 2017. С. 269–279; Худолей К. К. Эволюция идеи мировой революции в политике Советского Союза (эпоха Коминтерна и социализма в одной стране) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 10. № 2. С. 145–165.

Как и Вашингтон, Москва на протяжении холодной войны проявляла двойственное отношение к принципу невмешательства. Она упирала в дипломатической риторике на неприкосновенность национального суверенитета. Одновременно в силу приверженности марксистскому универсализму Советский Союз поддерживал коммунистические движения по всему миру. Ближе к своим границам он установил контроль над правительствами стран Восточной Европы на основе принципов социалистического интернационализма. Москва ревностно следила за попытками их переориентации вплоть до применения силы в Венгрии и Чехословакии с целью удержания у власти лояльных элит. Тем не менее со временем первоначальный советский диктат в отношении государств социалистического блока ослабел, и СССР согласился на их большую автономию⁶⁶.

В 1950-е и 1960-е годы Советский Союз выступал с призывами к национальному освобождению и самоопределению, подрывая институты предшествующего колониального владычества. Он сопровождал подобную риторику растущим практическим содействием национально-освободительным движениям в надежде привлечь на свою сторону страны развивающегося мира. В этом отношении он действовал как подлинная ревизионистская сила, препятствуя попыткам европейских держав сохранить влияние в получивших политическую независимость новых государствах⁶⁷. Тем самым СССР бросал вызов архаичным институтам, которые сохранились с предшествующих исторических периодов. В это время он сталкивался с трудностями балансирования в своей политике принципов национального самоопределения, социалистической солидарности и невмешательства.

К 1970-м годам Москва стала занимать более консервативную позицию, направленную на сохранение биполярного статус-кво⁶⁸. Это был период, когда СССР достиг зенита своего могущества и международного влияния. Он продолжал участвовать в постепенном расширении сферы применения международного права (например, через подготовку Конвенции ООН по морскому праву). Однако он не стремился к кардинальным изменениям существующих режимов. Несмотря на разногласия между Советским Союзом и Соединёнными Штатами и их активное

⁶⁶ Мусатов В. Л. Кризисы в европейских соцстранах (Венгрия – 1956 г., Чехословакия – 1968 г., Польша – 1980–1981 гг.) и политика Советского Союза: Дис. ... канд. полит. наук. М., 1995.

⁶⁷ Денисов А. В., Урнов А. Ю. СССР и деколонизация Африки // Азия и Африка сегодня. 2010. № 12. С. 15–20.

⁶⁸ Худoley К. К. Эволюция идеи мировой революции в политике Советского Союза (подъём и распад мировой системы социализма) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2018. Т. 11. Вып. 1. С. 53–85.

соперничество на протяжении всего периода холодной войны, между ними сформировался базовый консенсус в отношении общих рамок глобального управления. Его ослабление было вызвано уже описанным повышением правозащитной тематики и вопросов демократизации во внешней политике США.

В конце 1980-х Советский Союз вновь стал занимать более критическую позицию в отношении статус-кво. Поскольку для Москвы бремя конфронтации с Соединёнными Штатами становилось всё более тяжёлым, она попыталась преодолеть логику биполярного порядка, провозгласив «новое политическое мышление»⁶⁹. Советские инициативы были призваны компенсировать негативные тенденции в изменении соотношения сил путём трансформации правил игры. Но Москве не удалось воплотить свою яркую риторику в конкретные инициативы по реформированию международных институтов. Во многих случаях она шла на сближение с США на условиях Вашингтона. При этом она переняла, по крайней мере отчасти и на время, ценностные приоритеты Запада, включавшие свободу личности, рыночную экономику и демократизацию⁷⁰.

Российская Федерация, образовавшаяся в 1991 году, унаследовала лишь часть советской мощи, при этом продолжала идти навстречу проводимым под руководством Америки изменениям в глобальном управлении, пусть и в ограниченном масштабе. Но с середины 1990-х Москва стала проявлять всё большее недовольство стремлением Вашингтона пересмотреть глобальное управление на основе либеральных принципов. Она отвергала попытки ограничить полномочия Совета Безопасности ООН и узаконить гуманитарные интервенции. Во многих случаях вновь образованная Российская Федерация стала занимать более последовательную позицию в отношении принципа суверенитета, чем СССР. Она вошла в число ведущих критиков обусловленности внутренней практики государств внешними факторами.

Тем не менее с 2000-х годов Москва сама столкнулась с обвинениями в ревизионизме. Они касались в первую очередь её отношений с постсоветскими соседями, признания Абхазии и Южной Осетии и присоединения Крыма. Затем они также распространились на сферу

⁶⁹ Польшов М. Ф. М. С. Горбачёв и новое политическое мышление: истоки, основные идеи, результаты // Новейшая история России. 2012. № 2 (4). С. 136–152.

⁷⁰ Это было ярко отражено в Парижской хартии для новой Европы, см. Парижскую хартию для новой Европы. 21 ноября 1990 года. URL: <https://www.osce.org/mc/39516>

информационных операций. Большая часть этой критики концентрировалась на примерах ситуативного реагирования России на конкретные обстоятельства в отдельных случаях, а не на сознательный ревизионистский пересмотр существующих институтов. Несмотря на то, что Москва определила постсоветское пространство как зону своей особой ответственности и привилегированных интересов, смысл такой приоритизации заявлений зачастую оставался не прояснённым⁷¹.

В ряде случаев Москва ссыалась на исторические связи и осознание особой ответственности, пытаясь обосновать свою обеспокоенность событиями в собственном окружении. Вместе с тем Россия приняла территориальные границы после распада Советского Союза. Долгое время она отказывалась признавать государственность какого-либо из образований, возникших в результате затяжных конфликтов в Абхазии, Нагорном Карабахе, Южной Осетии или Приднестровье⁷². Изменения в её отношении к двум из них в 2008 году отражали практические потребности, вызванные событиями на местах, а не сдвиги в принципиальном подходе. Показательно также, что Москва не стремилась сознательно экспортировать собственную политическую модель, несмотря на то, что подобные обвинения звучали в её адрес⁷³.

Как и в случаях других крупных держав, есть множество свидетельств того, что Россия стремится использовать международные институты в своих интересах и порой отклоняется от устоявшихся конвенций в своей политике. В то же время она явно стремится обосновывать свои действия в терминах международного права, а не предлагает кардинально изменить существующие институты⁷⁴. Её отношение к глобальному управлению по-прежнему довольно консервативно.

Одна из причин этой склонности заключается в значимости для России институционального наследия периода СССР. Прежде всего, она сохранила

⁷¹ См., например, Шкель Т. Пять принципов президента Медведева. Российская газета. 01.09.2008. URL: <https://rg.ru/2008/09/01/principi.html>

⁷² Федулова Н. «Замороженные» конфликты в СНГ и позиция России // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 1. С. 57–67.

⁷³ См. Obydenkova A., Libman A. Understanding the Foreign Policy of Autocratic Actors: Ideology or Pragmatism? Russia and the Tymoshenko Trial as a Case Study // Contemporary Politics. 2014. Vol. 20. No. 3. P. 347–364; Kolstø P. Authoritarian Diffusion, or the Geopolitics of Self-Interest? Evidence from Russia's Patron–Client Relations with Eurasia's De Facto States // Europe – Asia Studies. 2020.

⁷⁴ См., например, Путин В. В. Обращение Президента Российской Федерации. 18.03.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20603>

постоянное место в Совете Безопасности ООН и статус ядерного государства в рамках режима нераспространения. В свете этого неудивительно, что в своих заявлениях Россия часто подчёркивает важность международного права и центральную роль ООН как его гаранта⁷⁵.

Более того, с 1990-х годов Россия ещё прочнее, чем СССР, интегрировалась в систему международных институтов. Она стала членом МВФ, Всемирного банка и участницей Европейской конвенции по правам человека. В 2012 году, после восемнадцати лет переговоров, она вступила в ВТО. Несмотря на солидарность с БРИКС в вопросе перераспределения голосов в международных финансовых институтах, Россия не проявляет заметных ревизионистских поползновений в отношении глобального экономического управления. Даже на фоне обострения отношений с США и их союзниками она смоделировала свои интеграционные инициативы по западным моделям (Евразийский экономический союз подражает многим элементам ЕС). Присоединение России к Киотскому протоколу и Парижскому соглашению о климате – свидетельство того, что Москва готова соглашаться с международными нормами, несмотря на скепсис в отношении аргументов об изменении климата.

Москва не решалась отказываться от поддержки даже тех режимов, которые стали меньше соответствовать её предпочтениям. Например, Советский Союз сыграл ведущую роль в инициировании Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе⁷⁶. Хотя Хельсинкский заключительный акт рассматривался как победа СССР, его нормы заложили основу для критики российских действий и противоречили её непосредственным интересам. В 1990 году западные страны использовали ссылку на право государств выбирать механизмы безопасности в рамках СБСЕ как аргумент в переговорах с Москвой о членстве объединённой Германии в НАТО. В дальнейшем они прибегали к ней в контексте расширения Североатлантического альянса.

Тем не менее Россия не отказалась от приверженности Хельсинкскому заключительному акту, поддерживая укрепление Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, созданной в 1990-х годах. Прошло почти десять лет, прежде чем Москва, разочаровавшись в ОБСЕ, предложила

⁷⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации. 30.11.2016. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451>; Путин В. В. Выступление на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». 22.10.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64261>.

⁷⁶ О первоначальном отношении Вашингтона к Хельсинкскому заключительному акту см. Snyder S. B. “Jerry, Don’t Go”: Domestic Opposition to the 1975 Helsinki Final Act // *Journal of American Studies*. 2010. Vol. 44. No. 1. P. 67–81.

выстроить новую архитектуру европейской безопасности⁷⁷. Она также стала указывать на несоответствие попыток государств обеспечивать свои интересы посредством вступления в эксклюзивные альянсы принципу неделимости безопасности (который также был провозглашён СБСЕ).

На фоне общего консервативного отношения к международным режимам Россия выступает за ревизию существующих европейских институтов. Эти призывы обусловлены недовольством Москвы доминирующей ролью НАТО в региональном порядке, установившейся с 1990-х годов⁷⁸. Её недовольство проявляется в первую очередь в инициативах, направленных на построение общеевропейской архитектуры от Лиссабона (или даже от Ванкувера) до Владивостока. Наиболее значительным практическим отражением её несогласия с действующими договорённостями стал выход из Договора об обычных вооружённых силах в Европе⁷⁹. Поскольку усилия по изменению европейской архитектуры оказались безуспешными, Москва к 2020-м годам стала всё более примиряться с сохранением региональной биполярности, определяемой напряжённостью между Россией и НАТО⁸⁰.

Анализ российского опыта демонстрирует иной подход к международным институтам, отличный от американского. Хотя участие России и СССР в создании международных институтов было весьма значительным, на протяжении истории российское руководство демонстрировало гораздо более осторожное отношение к ревизии глобального управления. Москва нередко выступала как консервативная сила, поддерживающая сохранение существующих норм. Более того, даже создание новых институтов порой преследовало цель предотвращения, а не стимулирования изменений.

В отдельные исторические промежутки СССР занимал более инициативную и, соответственно, более ревизионистскую позицию. Однако эти периоды сложно соотнести с существующими в литературе объяснениями ревизионизма – Москва выступала с революционно-преобразовательной программой и когда её международное влияние оказалось в надире

⁷⁷ См. также Kropatcheva E. The Evolution of Russia's OSCE policy: From the Promises of the Helsinki Final Act to the Ukrainian crisis // *Journal of Contemporary European Studies*. 2015. Vol. 23. No. 1. P. 6–24.

⁷⁸ Объяснение неудовлетворённости России европейским соглашением см. Baranovsky V. Russia: A Part of Europe or Apart from Europe? // *International Affairs*. 2000. Vol. 76. No. 3. P. 443–458.

⁷⁹ Однако он произошёл только после того, как страны НАТО не ратифицировали адаптированный вариант договора.

⁸⁰ См., например, В МИД считают, что Запад использует ОБСЕ для контроля над восточным пространством // ТАСС. 23.11.2020. URL: <https://tass.ru/politika/10073409?noedit=true>

в начале 1920-х, и на пике в 1950-х – 1960-х, и на фоне относительно ослабления в конце 1980-х годов.

Ни Россия, ни Советский Союз не были ни слишком последовательными, ни особенно успешными в проведении ревизионистской политики. В настоящее время Москва вернулась к более привычной консервативной позиции, призывая к возрождению международных институтов, сформированных в эпоху холодной войны. И хотя соответствие некоторых её действий существующим нормам становится предметом обсуждения, Россия не демонстрирует амбициозных намерений по изменению институтов глобального управления. Её ревизионистские амбиции ограничены перестройкой региональной архитектуры в Европе. Недовольство сложившимся положением в этом регионе отражает давнее раздражение Москвы попытками оставить её на периферии возникших в нём институтов, несмотря на её чувство географической, культурной и экономической сопричастности европейской цивилизации.

Путь Китая от аутсайдера до пайщика системы глобального управления

При всех различиях между Москвой и Вашингтоном в их историческом пути есть значимые сходства. Обе страны достигли пика международно-политического могущества в близкие временные промежутки – во второй половине XX века (Россия пережила ещё один пик в начале XIX века, но США удалось удержать лидерство дольше после распада Советского Союза). Они выступили соавторами основ нынешней системы глобального управления по окончании Второй мировой войны. Это сходство делает разницу в их отношении к институциональному наследию особенно разительной. Между тем Китай долгое время занимал иное положение, демонстрируя лишь частичную заинтересованность в ряде ключевых институтов послевоенного порядка.

В настоящее время перспективы китайского курса в отношении международного порядка выступают центральной темой многих дебатов. При этом эволюцию подхода КНР к международным институтам трудно

проследить с опорой на объяснения, отсылающие к динамике подъёма и упадка. Китай пережил переход от положения главного диссидента в отношении существующих норм и режимов к статусу прилежного ученика и осторожного реформатора. В то же время внимательный анализ показывает, что между риторикой и практическими действиями Пекина порой наблюдается разрыв.

На протяжении веков Китай доминировал в Восточной Азии, поддерживая региональный порядок, основанный на системе даннических отношений и символических обменов⁸¹. Приход европейских держав в эту часть мира лишил его прежнего центрального положения. После Первой опиумной войны 1839–1842 годов Китай пережил «столетие унижений»⁸². Его способность определять внутреннюю политику, не говоря уже о формировании правил глобального управления, была ограничена. Тем не менее огромный потенциал Китая получил признание после Второй мировой войны при создании Организации Объединённых Наций. Пекин стал одним из основателей этой организации и получил место постоянного члена Совета Безопасности.

Этот статус был, прежде всего, символическим признанием его вклада, поскольку возобновившаяся гражданская война вновь снизила его влияние в международных делах. Более того, Китайская Народная Республика, которая возникла в результате победы коммунистов в 1949 году, столкнулась с трудностями в обеспечении внешнего признания. В частности, правительство Гоминьдана продолжало представлять Китай в ООН до 1971 года. В этих обстоятельствах у Пекина было мало возможностей влиять на международные институты изнутри, и он занял критическую позицию по отношению к формирующимся режимам.

Особенности внутривнутриполитического развития и разрыв с Москвой лишь усилили скепсис Китая в отношении глобального управления. Он воспринимал международные институты как инструменты западного (и советского) гегемонизма. Например, Китай отказался присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия и к Договору о запрещении ядерных испытаний в трёх средах. Он также критиковал миротворчество как практику, несовместимую с принципом невмешательства. Пекин

⁸¹ Kang D. C. *East Asia before the West: Five Centuries of Trade and Tribute*. N.Y.: Columbia University Press, 2010.

⁸² См. Scott D. *China and the International System, 1840–1949: Power, Presence, and Perceptions in a Century of Humiliation*. N.Y.: SUNY Press, 2008; Kaufman A. A. *The “Century of Humiliation,” Then and Now: Chinese Perceptions of the International Order* // *Pacific Focus*. 2010. Vol. 25. No. 1. P. 1–33.

утверждал, что сверхдержавы не уважают национальный суверенитет других государств и остро реагировал на вмешательство во внутренние дела (что не мешало ему оказывать помощь коммунистическим движениям в других странах, соревнуясь в этом отношении с Москвой).

Несмотря на ограниченный экономический потенциал, Пекин громко заявлял о несогласии с существующим международным порядком. Чтобы компенсировать дефицит материальных ресурсов, он стремился создать широкую коалицию стран третьего мира, которая могла бы противостоять угнетению со стороны западных стран. Так, ещё в 1954 году Китай и Индия провозгласили Пять принципов мирного сосуществования, которые получили широкую поддержку на Бандунгской конференции, состоявшейся в следующем году. Однако коалиция развивающихся государств была слишком рыхлой и внутренне разделённой, а потому не могла представить реальную альтернативу существующим институтам. Несогласие Пекина не привело к сколь-либо существенному пересмотру международных режимов.

С 1970-х годов, после нормализации китайско-американских отношений и открытия Китая внешнему миру при Дэн Сяопине, его скептицизм в отношении глобального управления стал ослабевать. Противостояние Китая международным институтам ослабевало обратно пропорционально его экономической мощи. Пекин начал медленно внедрять элементы рыночной экономики, постепенно снижая барьеры для транснационального бизнеса. Этот путь позволил ему вступить в ВТО в 2001 году после двух с лишним десятилетий реформ. Интеграция в мировую экономику, а значит – и в существующие режимы регулирования международной торговли и финансов помогли Китаю стать важным игроком в мировой системе.

Несмотря на то, что политика Китая определялась стремлением повысить национальное благосостояние, она привела к более широким изменениям в его отношении к международным институтам. Со временем Пекин изменил своё отношение ко многим режимам, которые ранее критиковал. Он отказался от прежнего скепсиса в отношении миротворческой деятельности и стал вносить крупный вклад в миссии ООН⁸³. Он также присоединился к режиму ядерного нераспространения в 1992 году, что стало

⁸³ Об эволюции политики Китая в отношении миротворческих операций см. Fung C. J. What Explains China's Deployment to UN Peacekeeping Operations? // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2016. Vol. 16. No. 3. P. 409–441.

ещё одним проявлением разворота его политики в сторону признания международных институтов.

Эти сдвиги произошли в рамках провозглашённой Дэн Сяопином стратегии «скрывать возможности и держаться в тени». Она предполагала проведение сдержанной и неконфронтационной политики, создающей предпосылки для экономического роста Китая. Хотя Пекин и сохранил прежнюю чувствительность к вопросам национального суверенитета, он стал более осторожно выражать недовольство Вашингтоном по широкому кругу вопросов. Он предпочитал прятаться за более жёсткой критикой Москвы в адрес тех действий Вашингтона, которые подрывали центральную роль ООН или способствовали распространению либеральных установок. С другой стороны, Китай скептически воспринимал американские призывы стать «ответственным участником» международной жизни. Пекин расценивал их как попытку переложить на его плечи бремя поддержки благоприятствующих США режимов⁸⁴.

Несмотря на растущее признание ранее установленных режимов, Китай по ряду направлений демонстрировал меньшую вовлечённость в систему глобального управления, чем Россия. Например, в отличие от Москвы, он не ратифицировал Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и не стал принимать руководящие принципы ОЭСР в рамках политики по оказанию помощи международному развитию. Но с 1990-х годов подходы обоих государств на международных площадках существенно сблизились. Так же, как и Москва, Пекин поддержал центральную роль Совета Безопасности ООН в санкционировании применения силы и выступил за подкрепление принципа невмешательства во внутренние дела. Россия и Китай также выдвигали совместные инициативы по внедрению новых режимов в таких областях, как регулирование интернета и космического пространства⁸⁵.

К концу 2000-х годов материальный потенциал Китая возрос, и он частично стал отходить от прежнего подхода, в рамках которого предпочитал оставаться в тени. Теперь он начал требовать, чтобы к его словам

⁸⁴ Лексютина Я. Китай как ответственная великая держава // Международные процессы. 2018. Т. 16. № 2. С. 60–72.

⁸⁵ См. Соглашение между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности. <http://docs.cntd.ru/document/902289626>; РФ и Китай представили проект договора о предотвращении размещения оружия в космосе. September 4, 2017. <https://tass.ru/kosmos/4529409>

прислушивались на глобальных форумах, в том числе в международных финансовых институтах. Такие устремления встретили противодействие со стороны Вашингтона. Например, Конгресс США на протяжении пяти лет блокировал реформу МВФ, которая бы расширила влияние Китая в его управляющих органах. Подобные камни преткновения подогревали интерес Пекина к созданию альтернативных международных институтов, например, Нового банка развития БРИКС и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Более того, Китай начал говорить о необходимости реформирования глобального управления и его адаптации к меняющимся международным реалиям⁸⁶.

Под руководством председателя Си Цзиньпина Китай провозгласил стремление к созданию «Сообщества единой судьбы человечества» и выстраиванию «нового типа отношений между великими державами»⁸⁷. В соответствии со своими амбициозными планами Пекин объявил об инициативе «Пояса и пути», которая должна была привести к приращению китайских инвестиций за рубежом. Вместе с тем его риторика по поводу глобального управления богата запоминающимися лозунгами, но порой бедна конкретной. Трудно проследить значимые нормативные нововведения в китайском подходе к мирорегулированию, за исключением критики практик политической обусловленности, внедрённых МВФ и Всемирным банком.

В целом опыт АБИИ и других китайских инициатив, а также линия, которую проводят выдвинутые Китаем должностные лица в международных институтах, коррелируют с традиционными подходами ранее утвердившимися в международных финансовых учреждениях. Особенности кредитования Пекина зачастую проще объяснить отсутствием компетенций, чем сознательной попыткой действовать в пику Западу. Общая склонность к использованию финансовых рычагов для увеличения своего

⁸⁶ См. Денисов И. Е., Адамова Д. Л. Формулы внешней политики Си Цзиньпина: основные особенности и проблемы интерпретации // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 76–90.

⁸⁷ О концепциях, Ломанов А. Новые концепции китайской внешней политики // Азия и Африка сегодня. 2017. № 12. С. 8–18; Семёнов А. В., Цвык А. В. Концепция «общего будущего человечества» во внешнеполитической стратегии Китая // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 8. С. 72–81; Денисов И. Е. Концепция «дискурсивной силы» и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. № 4. С. 42–52. Последняя формула используется в первую очередь для описания китайско-американских отношений (см., Ku M. The Motives and Effects of China's "New Model of Major Country Relations" in China-US Relations // Journal of International Relations. 2015. Vol. 3. No. 1. P. 17–42). См. также обсуждение «пекинского консенсуса» как альтернативы «вашингтонскому консенсусу» в Виноградов А. В., Дегтерев Д. А., Спирина Д. В., Трусова А. А. «Пекинский консенсус» в международном и внутрикитайском политическом дискурсе // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 3. С. 17–28.

политического влияния на международном уровне не отличает Китай от других крупных держав⁸⁸.

При этом в 2017 году председатель Си Цзиньпин в выступлении на Всемирном экономическом форуме в Давосе выразил явственную поддержку глобализации и экономической взаимозависимости. Он признал, что «система глобального управления не приняла новые изменения и поэтому не отвечает требованиям представительства и инклюзивности», а также указал на упущения и анахронизмы в правилах, регулирующих международную торговлю и финансы⁸⁹. Даже с этими оговорками выступление китайского руководителя звучало как призыв к умеренности и преемственности в институциональных нормах, если сравнить с тем, что заявлял его американский коллега.

Как и Москва, Пекин сталкивается с растущей критикой своих действий, которые иногда интерпретируются как проявления скрытого ревизионизма. Такие обвинения касаются, прежде всего, политики Китая по отношению к соседним странам. Как и в случае с другими крупными державами, его оппортунистические попытки обеспечивать национальные интересы в этих случаях не всегда преследуют цель пересмотра правил игры на международной арене. В последнее время Китай также стал принимать более активное участие в спорах относительно сферы действия принципа невмешательства – по сравнению с демократическими нормами и защитой прав человека. Стоит повториться, что такие дебаты разворачиваются в серой зоне, когда крупные державы апеллируют к различным международным принципам и нормам, которые нередко пользуются ограниченным признанием.

Политика Пекина подтверждает вывод о том, что связь между государственной мощью и ревизионизмом далеко не однозначна. Китай лелеял радикально ревизионистские взгляды, когда был слаб и имел мало шансов реализовать своё видение. Он постепенно принимал институты глобального управления, делая это в первую очередь по стратегическим причинам,

⁸⁸ Подробнее о критике описания практических шагов Китая как ревизионистских см. Denisov I. Chinese and Western Values in Modern Political Discourse in China // *Social Sciences*. 2016. Vol. 47. No. 2. P. 70–79; Breslin S. Global Reordering and China's Rise: Adoption, Adaptation and Reform // *The International Spectator*. 2018. Vol. 53. No. 1. P. 57–75; Johnston A. I. China in a World of Orders: Rethinking Compliance and Challenge in Beijing's International Relations // *International Security*. 2019. Vol. 44. No. 2. P. 9–60.

⁸⁹ Нести общую ответственность, способствовать глобальному росту. Президент КНР Си Цзиньпин на открытии Ежегодного заседания Всемирного экономического форума 2017 года. Давос, 17.01.2017. URL: http://www.china.org.cn/node_7247529/content_40569136.htm. См. также Tang S. China and the Future International Order(s) // *Ethics & International Affairs*. 2018. Vol. 32. No. 1. P. 31–43.

и извлёк из этого весомую пользу. Хотя Пекин периодически сигнализирует о готовности проводить реформы глобального управления, пока не ясно в какой степени он способен выйти за рамки дипломатической риторики и инициировать реальные преобразования.

Имеются даже признаки обостряющейся внутри страны дискуссии о рисках избыточных международных обязательств («стратегического овердрафта») и преимуществах перехода к менее амбициозной позиции⁹⁰. Осторожная амбивалентность Пекина резко контрастирует с уверенностью США в возможностях институционального строительства. Она также далека от жёсткого консерватизма Москвы в вопросах глобального управления.

Несмотря на такие различия, Россия и Китай смогли наладить тесное взаимодействие по вопросам глобального управления. Оно углубляется, несмотря на разницу в историческом опыте и динамике изменения материальных возможностей сторон. Быстрый подъём Китая и его маргинальное положение в международных институтах в период холодной войны не помешали Пекину разделить опасения Москвы по поводу существующей системы мирорегулирования. На этом фоне два государства декларируют стремление оказывать скоординированное противодействие ревизионистским инициативам Вашингтона по пересмотру правил в глобальной экономике и его усилиям по универсализации модели политического либерализма.

Заключение

Проведённый анализ указывает, что подходы современных государств к поддержанию или ревизии международных институтов нельзя объяснить только динамикой изменения их материальных потенциалов. В их политике можно проследить влияние и исторически устоявшихся моделей поведения, и элементы непоследовательности. Крупные державы осознают важность глобального управления. В результате споры по поводу

⁹⁰ Денисов И. Е. Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. № 5. С. 83–98; Лукин А. В. Дискуссия о развитии Китая и перспективы его внешней политики // Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 71–89; Goldstein A. China's Grand Strategy under Xi Jinping: Reassurance, Reform, and Resistance // International Security. 2020. Vol. 45. No. 1. P. 164–201.

международных институтов представляют важный источник напряжённости в отношениях между ними. Однако значение, которое крупные державы приписывают международным институтам, не предопределяет их стратегический выбор. Исходя из признания их важности, они в некоторых случаях склоняются к поддержанию существующих режимов, а в других – демонстрируют готовность инвестировать в их замену.

В периоды подъёмов и падений Соединённые Штаты последовательно проводили политику подстраивания международных норм и режимов в своих интересах. Возможный переход лидерских позиций от США к другой стране не изменит этой глубоко укоренившейся традиции. Хотя команда Байдена обязалась отказаться от многих эксцессов политики Трампа, шансов на то, что она будет готова смириться со сложившейся системой глобального управления, мало. При этом одна из центральных проблем, с которой столкнётся новая администрация, – относительный дефицит свежих идей о возможных способах пересмотра международных институтов.

В свете этого уход Дональда Трампа из Белого дома не является залогом роста взаимопонимания между США, Россией и Китаем по вопросам глобального управления. Ревизионистские тенденции привели к глубокому расколу между Соединёнными Штатами и двумя другими крупными державами. Несмотря на расходящиеся векторы национального развития, Россия и Китай сохраняют готовность действовать преимущественно в существующих институциональных рамках, предпочитая инкрементальные изменения масштабным преобразованиям.

Хотя некоторые иностранные наблюдатели указывают на различия во взглядах двух государств на глобальное управление⁹¹, общим в их подходах к международным режимам выступают акцентирование центральной роли ООН в мирорегулировании и противодействие попыткам закрепления западной политической модели в качестве общепризнанной нормы. При этом российская политика строится на консервативном подходе к глобальному регулированию, как уже не раз бывало в её истории. Между тем Китай, который ранее критически отзывался о международных режимах, серьёзно выиграл от присоединения к ним. Оба государства пришли к близким воззрениям на систему мирорегулирования, хотя и разными путями.

⁹¹ См., например, Kaczmarek M. Convergence or Divergence? Visions of World Order and the Russian-Chinese Relationship // *European Politics and Society*. 2019. Vol. 20. No. 2. P. 207–224.

Сегодня Пекин в большей степени, чем Москва и Вашингтон, стоит перед выбором. Подходы России и США к глобальному управлению относительно устойчивы и представляют собой два противоположных полюса крайнего консерватизма и непреклонного ревизионизма. Китай может отреагировать на растущую напряжённость в отношениях с США выработкой собственного, отличного от американского, подхода к пересмотру международных институтов. Этот шаг стимулировал бы рост конкуренции между двумя ревизионистскими мировоззрениями. Он также подверг бы испытанию на прочность прежние достижения российско-китайского сближения.

С другой стороны, Пекин мог бы сохранить приверженность существующим институтам, даже если они не будут в перспективе приносить столь же значительные выгоды, как в предшествующие десятилетия. Такой подход потребует от китайского руководства более жёсткой дипломатической дисциплины, но он также больше соответствует предшествующему опыту внешнеполитической осмотрительности, ставшей отличительной чертой линии КНР.

 ValdaiClubRu
 valdaiclub
 ValdaiClub
 valdaiclubcom
 @RuValdaitweets
valdai@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ